

На правах рукописи

Верховых Людмила Николаевна

**ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ СУБПАРАДИГМА
КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКОГО ОНОМАСТИКОНА)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Елец – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Геннадий Филиппович Ковалев

Официальные оппоненты: **Климкова Людмила Алексеевна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал ННГУ,
кафедра русского языка и литературы, профессор;
Королева Инна Александровна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Смоленский государственный университет»,
кафедра русского языка и методики его препода-
вания, профессор;
Супрун Василий Иванович,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Волгоградский государственный социально-
педагогический университет», кафедра русского
языка и методики его преподавания, профессор.

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образо-
вательное учреждение высшего образования «Бел-
городский государственный национальный иссле-
довательский университет»

Защита состоится «13» сентября 2022 г. в 10.00 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 212.059.03 по защите докторских и кандидатских дис-
сертаций в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по адресу:
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библио-
теки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу:
399740, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28 и на сайте
http://www.elsu.ru/nauka/dissovet3/6049-full_diss_03.html.

Автореферат разослан «___» августа 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.А. Трубицина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одной из важных задач современной лингвистики является изучение региональной специфики языка. Особое значение в этом плане приобретает анализ региональных имен собственных, в том числе и онимов, имеющих диалектный характер, на основе привлечения исторических, географических, этнографических данных о крае для более точного и полного объяснения особенностей семантики и функционирования языковых единиц в региональной языковой системе.

О необходимости разработки проблем, находящихся на пересечении научных областей ономастики и краеведения, писала А.В. Суперанская: «Не решены в теоретическом плане и такие вопросы, как размеры обследуемой территории, связь региональной ономастики с краеведением и лингвострановедением» [Суперанская 2009, с.216].

Лингвокраеведческие исследования не только дают возможность составить представления о языке в целом, но и позволяют восстановить фрагмент древних представлений человека о материальном и духовном мире, что имеет важное значение для изучения общенациональной языковой картины мира. По мнению Л.А. Климковой, «изучение региональной лексики связано с постижением национальных языковых, а тем самым и исторических корней, родников народной русской речи, с приобщением к сохранению национального языкового богатства» [Климкова 2013, с. 462].

Лингвокраеведческий подход в научных исследованиях и сфере обучения русскому языку активно применяется со второй половины XX века [Агеева 1973, 1985; Бондалетов 1983; Воробьева 1987; Карпенко 1973; Климкова 1985, 1988; Ковалев 1996, 1998; Лыжова 1994; Матвеев 1983; Мурзаев 1974, 1984; Намитокова 1993; Никонов 1965, 1966; Рут 1994; Супрун 1994, Фролов 1978, 1983; Чайкина 1983, 1995; Яценко 1977 и др.]. Также и современный этап развития лингвистики и методики обучения русскому языку широко отражает взаимосвязь лингвистического и краеведческого материала в деятельности ученых и методистов [см.: Абросимова 2015; Алефиренко 2020; Беляева 2015, 2016, 2017, 2019, 2022; Беляева, Сартаева, Трегубова 2020, 2021; Белякова 2016, 2017, 2019, 2021; Брыкина, Супрун 2020, 2021; Васильев 2021; Васильев, Вихрова 2019; Верховых 2021; Ганцовская 2018; Ганцовская, Неганова 2022; Голомидова, Горяев 2022; Горлова 2021; Гордова 2021; Горелова 2011; Дамбуев 2022; Жамсаранова 2021; Жиленкова 2020; Ильин 2012; Климкова 2007, 2015, 2017, 2022; Ковалев 2005, 2014, 2017, 2021; Королева 2000, 2017, 2021; Костючук 2020; Кошарная 2016, 2017, 2018, 2019; Крюкова 2022; Кудряшова 2010; Кюршунова 2016, 2017, 2020; Лыжова 2002, 2005; Мадиева 2005; Майорова 2007, Максимчук 2012, 2014; Малышева, Чумак-Жунь 2017; Матвеев 2004, 2008; Моисеев 2013; Мызников 2004, 2020, 2021; На-

заров 2021; Намитокова 2005; Намитокова, Нефляшева 2016; Неганова 2021; Новикова 2010; Огдонова 2016; Полякова 2006, 2010; Попов 2003, 2018, 2021; Рут 2008; Рут, Клименко 2018; Смирнова 2002, 2011; Супрун 2014, 2017, 2020, 2021, Филатова 2002, 2016; Филатова, Шаталова 2016; Цветкова 2000, 2017, 2018, 2021, 2022; Чайкина 2004; Черенкова 2006, 2009, 2014, 2019, Чумак-Жунь 2020; Чумак-Жунь, Проскурнина 2018; Шмелева 2013, 2019, 2020; Щербак 2015, 2017, 2020, 2021, 2022 и др.].

Проведение региональных ономастических и диалектологических исследований на лингвокраеведческой основе – общепринятая мировая практика. Например, работы лингвистов из зарубежных стран, изучающих местные названия [см.: Айниала 2017; Белакова 2016; Карпенко 1973; Керимбаев 1995; Мадиева 2005; Мезенко 2010, 2016, 2020; Рогалев 2014; Томасик 2021; Чижмарова 2010; Шипкова 2010; Alonso 2022; Nash 2021; Racz 2019; Schaarschmidt 2018] также выполнены на основе привлечения историко-культурных, археологических, этнографических, географических сведений о городе, крае, регионе.

Особая важность вопросов изучения языка региона, в частности региональных онимов, в связи с историко-культурными, географическими и иными особенностями края постоянно находится в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов, являющихся организаторами и участниками научных конференций, на которых уже традиционными являются вопросы ономастического краеведения (Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики», Международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», Международная научная конференция «Экология языка и речи» и др.). Также и материалы сборников научных трудов включают лингвистические исследования, выполненные на основе привлечения краеведческих сведений, например, в Воронежском государственном университете издается «Воронежское лингвокраеведение» (науч. ред. проф. Г.Ф. Ковалев).

Актуализация лингвокраеведческой проблематики в настоящее время связана как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами: усилением антропоцентрической парадигмы в научных лингвистических исследованиях, действием принципов экспансионизма и эксплаторности (Е.С. Кубрякова), процессов интеграции и дифференциации (Л.А. Климкова); влиянием общественных процессов глобализации и регионализации (А.М. Мезенко).

Применение в современной научной сфере лингвистических и краеведческих знаний свидетельствует о формировании новой, лингвокраеведческой, субпарадигмы научного знания, объективными причинами развития которой является формирование интегральной парадигмы науч-

ного знания [Кубрякова 1995, с. 230], отличающейся полифункциональностью, что способствует выделению локальных парадигм разного типа, мегапарадигм, интегральных парадигм, метапарадигм [Постовалова 2018, с.38–39].

Несмотря на развитие лингвокраеведческой субпарадигмы знаний в исследовании системы русского языка, в лингвистике не представлено обоснование данной парадигмы, нет системного описания методики лингвокраеведческого анализа на практике при изучении региональных языковых единиц. Все это и определяет **актуальность** описания (на материале ономастикона Воронежской области) фактически уже давно применявшегося на практике лингвокраеведческого направления изучения языка, необходимость разработки процедуры лингвокраеведческого анализа для комплексного изучения единиц языка и решения лингвокраеведческих вопросов прагматического характера. В настоящем исследовании предпринимается попытка заполнить охарактеризованную лакуну.

В сфере научного знания обычно определяется сущность дисциплины, ее предмет и задачи исследования, а затем уже возникают работы по методике обучения данному предмету. С лингвокраеведением наоборот: фиксируется значительное число научных исследований, выполненных на основе применения лингвокраеведческого подхода, появление программ, учебных и учебно-методических пособий лингвокраеведческой тематики, но отмечается неразработанность теории и методологии лингвокраеведения. Актуальность проводимого исследования обусловлена в том числе и необходимостью разработки теоретико-методологических основ развивающейся субпарадигмы, а также проецированием лингвокраеведческой субпарадигмы знаний на региональный ономастикон, сохраняющий как собственно лингвистическую, так и краеведческую информацию.

По мнению А.С. Герда, в смежных областях «каждая наука может и должна помогать и служить другой в решении ее задач и проблем. Именно в переходных исследовательских зонах и сферах обычно и рождаются новые научные направления. <...> В современной науке особое значение приобретает как совершенствование старых, классических методов научного исследования, так и поиск новых нетривиальных методов и подходов к анализу данных. Многие из таких новых методов и рождаются на стыке разных наук и дисциплин. В свою очередь, привлечение новых типов источников, разработка новых методов анализа чаще всего ведут к получению новых оригинальных результатов в каждой науке, к возникновению новых научных направлений» [Герд 2005, с.3].

Объект исследования в данной работе – региональные ономастические единицы, функционирующие в современном русском языке (рассмотренные на примере воронежского ономастикона), передающие лин-

гвистическую и экстралингвистическую информацию, в том числе и краеведческого характера.

Предмет исследования – особенности репрезентации лингвистических и экстралингвистических знаний в региональных именах собственных (на примере воронежского ономастикона), изученные в том числе и с помощью приемов лингвокраеведческого анализа. Интегративная модель исследования системы русского языка предполагает комплексное использование лингвистических и краеведческих данных для изучения региональных имен собственных.

Цель работы состоит в изучении видов лингвистической и экстралингвистической информации, извлекаемой из региональных ономастических единиц на основе использования разных способов анализа языкового материала, включая и приемы лингвокраеведческого анализа; в обосновании необходимости выделения лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка для извлечения разноплановой информации из региональных имен собственных и решения прикладных задач лингвистики.

Цель работы обусловила решение следующих задач:

- 1 блок: охарактеризовать особенности функционирования современных парадигм в лингвистике;
- обосновать объективность развития лингвокраеведческой субпарадигмы в русском языке;
- определить лингвофилософские основания выделения лингвокраеведческой субпарадигмы;
- определить место лингвокраеведения в современной лингвистике в ряду смежных дисциплин;
- охарактеризовать лингвокраеведение как научную дисциплину, имеющую лингвистический предмет изучения; описать типы и виды лингвистического краеведения;
- изучить истоки и особенности развития лингвокраеведения в России;
- дать методологическое описание лингвокраеведения с выделением специфического метода – лингвокраеведческого анализа (на примере ономастических единиц Воронежской области);
- 2 блок: изучить фрагменты региональной языковой картины мира, представленные в воронежской антропонимии, в том числе и на основе применения лингвокраеведческого анализа языковых единиц;
- изучить фрагменты региональной языковой картины мира, представленные в воронежской микропонимии, в том числе и на основе применения лингвокраеведческого анализа языковых единиц;
- разработать программу сбора ономастических единиц для последующей их интерпретации, в том числе и с помощью лингвокраеведческо-

го анализа; предложить возможные пути использования лингвокраеведческого направления изучения языка в лингводидактике.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые было предложено обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы в современной лингвистике; определено место лингвокраеведения в системе лингвистических дисциплин; охарактеризована специфика лингвокраеведческого анализа региональных ономастических единиц; на практике с целью извлечения различных блоков лингвистической и экстралингвистической информации на материале воронежского ономастикона показана возможность применения лингвокраеведческого подхода при изучении фрагментов региональной языковой картины мира и исследовании проблем русско-украинского взаимодействия; разработана программа сбора ономастических единиц для их дальнейшей интерпретации в русле лингвокраеведческой субпарадигмы и с целью применения в лингводидактике.

Методологическую основу исследования составляют актуальные в современной лингвистике подходы: сравнительно-исторический, системно-структурный, принцип историзма при главенствующем антропоцентрическом парадигмальном направлении. Данные подходы реализовались в работе в виде сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и системно-структурного методов. Также в работе используется метод компонентного анализа актуализированных сем онимов, словообразовательный и форматный анализ имен собственных, приемы стратиграфического метода, количественного подсчета, этимологического анализа; в работе разрабатывается и внедряется в качестве способа изучения языковых единиц лингвокраеведческий анализ. При интерпретации регионального ономастического материала используется дескриптивный (описательный) метод с приемами лингвокраеведческого комментирования.

Теоретической базой научного исследования послужили труды лингвистов:

в области парадигмального изучения современной лингвистики, в том числе и лингвокраеведческой субпарадигмы: исследования Н.Ф. Алефиренко, В.М. Алпатова, Н.Д. Арутюновой, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Т.И. Вендиной, В.Г. Гака, С.Г. Воркачева, В. фон Гумбольдта, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, А.А. Кибрика, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Е.С. Кубряковой, Т. Куна, В.А. Масловой, А.М. Мезенко, В.А. Пищальниковой, Е.М. Поздняковой, В.И. Постоваловой, С.Г. Проскурина, В.И. Супруна, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, С.В. Швырева, А.С. Щербак, О.В. Федоровой, Р.М. Фрумкиной, А.Т. Хроленко, У. Чейфа и др.;

в области теории и методики ономастики, региональной ономастики, ономастической лексикографии: труды А.В. Барандеева, М.Ю. Беляевой,

В.Д. Бондалетова, Н.В. Бубновой, А.А. Бурыкина, Е.Л. Березович, Н.Б. Бугаковой, В.Л. Васильева, Н.В. Васильевой, И.А. Воробьевой, И.М. Ганжиной, Н.С. Ганцовской, М. Гарвалика, Л.Д. Гореловой, И.В. Данилова, Л.И. Дмитриевой, О.П. Дмитриевой, Д.Ю. Ильина, Ю.А. Карпенко, Н.А. Кичиковой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Королевой, С.А. Кошарной, И.В. Крюковой, И.М. Курносой, И.А. Кюршуновой, В.А. Никонова, Г.Б. Мадиевой, Н.А. Максимчук, Э.Б. Манджиевой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.М. Мурзаева, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, Е.И. Поляковой, С.А. Попова, А.И. Попова, М.Э. Рут, А.М. Селищева, В.А. Семушкина, С.А. Скуридиной, Т.Г. Смирновой, О.В. Смирновой, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.И. Сьяновой, Т.В. Толбиной, О.Н. Трубачева, Н.М. Тупикова, Б.О. Унбегауна, Н.К. Фролова, Е.В. Цветковой, Ч. Цзыди, И.И. Чумак-Жунь, Г.Л. Шеулиной, Л.В. Шулуновой, А.С. Щербак, А.И. Ященко, М.И. Зубова, О.Ю. Карпенко, Л.Ф. Фоминой, В.М. Калинин, Т. Witkowski и др.;

в области лингвокраеведения и лингвострановедения: работы В.Ф. Барашкова, Е.В. Барсова, Н.П. Барсова, Е.А. Болховитинова, Е.В. Брысиной, Н.Ф. Бунакова, Е.М. Верещагина, А.Н. Гвоздева, Е.А. Грибоедовой, Ю.В. Зверевой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, В.Г. Костомарова, М.В. Ломоносова, Н.А. Максимчук, Т.В. Майоровой, Н.И. Надеждина, Р.Ю. Намитоковой, Т.Ф. Новиковой, Е.И. Поляковой, В.И. Супруна, В.Н. Татищева, В.К. Третьяковского, С.Г. Шейдаевой, В.И. Шенкмана, М.Р. Шумариной, А.С. Щербак, В.Ф. Филатовой и др.;

в области изучения языковой картины мира: труды В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, Б.Л. Иомдина, Ю.Н. Караулова, Л.А. Климковой, Т.В. Крыловой, И.Б. Левонтиной, З.Д. Поповой, А.В. Санникова, И.А. Стернина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, А.С. Щербак и др.;

в области диалектологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики: работы Р.И. Аванесова, М.Т. Авдеевой, Т.А. Агапкиной, Н.Ф. Алефиренко, О.В. Беловой, С.М. Беязковой, Е.Л. Березович, Е.А. Богдановой, Е.В. Брысиной, Т.И. Вендиной, А.В. Войтенко, Н.С. Ганцовской, А.С. Герда, А.Н. Гвоздева, Л.И. Гончаровой, Н.П. Гринковой, В.И. Даля, В.И. Дьяковой, О.В. Загоровской, Т.В. Карасевой, Л.Л. Касаткина, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Л.Я. Костючук, В.В. Красных, Е.П. Куйдиной, Т.А. Литвиновой, И.М. Курносой, Р.И. Кудряшовой, В.А. Масловой, С.А. Мызникова, Г.Д. Негановой, Л.В. Недоступовой, С.В. Пискуновой, Ф.М. Пискунова, М.В. Пановой, А.М. Селищева, А.И. Соболевского, Ф.И. Сороколетова, В.И. Собинниковой, В.И. Супруна, Н.И. Толстого, С.М. Толстой,

В.Ф. Филатовой, Ф.П. Филина, В.И. Хитровой, А.Д. Черенковой, В.И. Чернышова, А.А. Шахматова, А.С. Щербак и др.;

труды ученых-лингвистов, биологов, географов, историков (краеведов), археологов и фольклористов в области краеведения:

исследования А.Н. Акиньшина, В.Д. Березуцкого, Е.А. Болховитинова, Н.И. Второва, С.Г. Гмелина, М.Н. Громова, И.И. Дубасова, В.П. Загоровского, М.Д. Карпачёва, Т.С. Киссер, В.К. Ковылова, О.Г. Ласунского, В.В. Литвинова, Д.С. Лихачева, М.В. Ломоносова, И.И. Малышева, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, М.А. Никоновой, Е.А. Орловой, А.И. Пашкова, В.И. Пановой, В.А. Прохорова, В.С. Соболева, В.Н. Татищева, С.О. Шмидта и др.;

труды ученых-лингвистов, педагогов в области методики организации лингвокраеведческих исследований: работы О.Л. Абросимовой, М.Ю. Беляевой, Е.В. Брысиной, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Л.К. Лыжовой, А.П. Моисеева, Р.Ю. Намитковой, Т.Ф. Новиковой, Ц.Ц. Огдоновой, О.В. Смирновой, В.И. Супруна, В.Ф. Филатовой, А.Д. Черенковой, В.И. Чернышова, Т.И. Шаталовой, Г.Л. Шеулиной, В.И. Шенкмана, Т.В. Шмелевой, М.Р. Шумариной, А.С. Щербак и др.

Теоретическая значимость проведенной работы состоит в многоаспектном описании лингвокраеведческой субпарадигмы как интегративной модели исследования системы русского языка: лингвофилософское обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы, разработка методики (процедуры) лингвокраеведческого анализа, описание особенностей применения приемов лингвокраеведческого анализа на практике при изучении фрагментов региональной языковой картины мира и процессов русско-украинского взаимодействия (на материале воронежского ономастикона).

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его материалов в процессе дальнейшего изучения региональных онимических систем в русле лингвокраеведческой субпарадигмы с применением методики лингвокраеведческого анализа для описания фрагментов региональной языковой картины мира и процессов русско-украинского взаимодействия, для лексикографического описания региональных ономастических систем; перспективен также выход в лингводидактику.

Источники исследования отражают интегрированный подход к изучению материала и включают полевые записи, материалы архивных и иных краеведческих документов, из которых было извлечено более 7,5 тысяч региональных имен собственных, рассмотренных в разные временные периоды автором работы. В исследовании проанализированы ономастические данные как русских, так и украиноязычных районов Воронежской области.

В плане изучения становления лингвокраеведческой субпарадигмы источниками являлись труды по истории, материалы записей, составленных по результатам проведенных экспедиций (архивы Г.Ф. Миллера, труды В.Н. Татищева, С.Г. Гмелина, М.В. Ломоносова, Е.А. Болховитинова, Н.И. Надеждина, Е.В. Барсова, Н.П. Барсова и др.); для лингвокраеведческого комментирования языковых фактов использовались исторические краеведческие источники: материалы ревизских сказок за 1816 год, деловые документы, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, научно-исторические труды, данные справочников и энциклопедий, материалы памятных книжек Воронежской губернии XIX–XX веков, материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, относящиеся ко второй половине XIX века, материалы для истории Воронежской и соседних губерний, данные справочных книг начала XX века, историко-географических описаний Воронежской области XIX–XX веков, списки населенных мест Российской империи и др.

В результате комплексного изучения особенностей функционирования лингвокраеведческой субпарадигмы (истоки развития, лингвофилософское обоснование, разработка, описание и применение на практике методики лингвокраеведческого анализа региональных языковых единиц (на материале воронежского ономастикона) с предложением возможностей трансляции разрабатываемых научных положений в лингводидактику) были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1) лингвокраеведческая субпарадигма в изучении русского языка – исторически сложившееся направление исследования языковых единиц, образуемое в основе своей пересечением сравнительно-исторического, антропоцентрического и системно-структурного векторов изучения языка;

2) лингвокраеведческий анализ – актуальный способ исследования национального языка, позволяющий полно изучить региональные ономастические единицы и сделать объективные выводы; научное изучение особенностей функционирования регионального ономастикона базируется на применении приемов лингвокраеведческого анализа;

3) региональный ономастикон достаточно четко транслирует два блока информации, извлекаемой посредством лингвистического и лингвокраеведческого анализа: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации;

4) блок лингвистической информации, представленной в региональном ономастиконе, содержит сведения об особенностях региональной языковой картины мира; о развитии региональной ономастической системы, о диалектных особенностях говора (прежде всего лексических), информацию о региональной специфике ономастикона (на фонетическом, лексическом, словообразовательном уровнях), о моделях именовании человека в XIX веке, прежде всего крестьянина; о региональной специфике

ономастических единиц, связанной с влиянием на онимы межъязыковых контактов в крае;

5) блок экстралингвистической информации отражает особенности менталитета человека, связанные с общественно-историческими процессами и явлениями, природно-климатическими условиями проживания, дает представления о межъязыковых контактах, о миграционных потоках на данной территории;

6) региональная ономастическая картина мира посредством своего объекта исследования тесно связана с внеязыковой действительностью и транслирует разноплановые знания о человеке: о физиологических особенностях, особенностях поведения и характера человека, умственных способностях, особенностях речи, этнической принадлежности человека, его видах деятельности (ремеслах, занятиях, служебных обязанностях), особенностях представления человека о семье, родственных отношениях, прежнем месте жительства человека, отражая антропоцентризм в восприятии человеком окружающего мира;

7) лингвокраеведческое направление изучения русского языка имеет высокий научный потенциал, вектор развития которого направлен прежде всего на изучение регионального ономастикона, фрагментов региональной языковой картины мира, лексикографическое описание региональных ономастических систем и микросистем; методика научного лингвокраеведческого описания языкового материала имеет выход и в лингводидактику.

Апробация работы. Основные положения исследования прошли апробацию на заседаниях кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета, заседаниях кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета; положения и результаты исследования были представлена на международных, всероссийских, региональных, вузовских конференциях в Арзамасе (международная, 2016; всероссийская с международным участием, 2021), в Борисоглебске (ежегодная вузовская, международная, 2005; международная, 2007; региональная, 2013; всероссийская, 2019; международная, 2020; международная, 2021), Великом Новгороде (международная, 2019), в Витебске (международная, 2016, 2022), в Волгограде (межрегиональная, 2014; международная, 2018, международная, 2020; международная 2022), в Воронеже (всероссийская, 2005; областная, 2015; международная, 2017; международная, 2022), в Донецке (Международные Святогорские ономастические чтения, 2014), в Софии (международная, 2013), в Тамбове (международная, 2014, 2016, 2017, 2021; Круглый стол с международным участием, 2022), в Ульяновске (международная, 2017), в Санкт-Петербурге (XXXVIII Всероссийское

диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров–2022»).

Структура работы: диссертация включает введение, где раскрыты основные направления работы, обозначена актуальность, новизна и практическая значимость исследования; три главы, содержащие лингвистическое и лингвофилософское обоснование функционирования лингвокраеведческой субпарадигмы в современной лингвистике и анализ воронежского ономастикона в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы, с использованием приемов лингвокраеведческого анализа региональных ономастических единиц; заключение, отражающее итоги исследования, и список литературы и источников и словарей, включающий более 500 позиций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I «Лингвокраеведческая субпарадигма в языкознании» посвящена анализу существующих в современной лингвистике и истории и методологии науки точек зрения ученых на проблему изучения понятия «научная парадигма знания», характеристике современных лингвистических парадигм и разрабатываемой лингвокраеведческой субпарадигмы.

В параграфе **«Понятие научной парадигмы знания в лингвистике»** рассматривается, как решаются в теории и истории науки и лингвистике вопросы выделения парадигм и определения парадигмальных установок.

Понятие «парадигма знания» закрепилось в научной сфере после употребления этого определения Т. Куном. В настоящее время широко используется термин «научная парадигма знаний» применительно к «совокупности мнений и установок, которые присущи определенным сообществам ученых в определенный период времени» [Кубрякова 2008, с. 4]. Термин «научная парадигма знания» имеет ряд синонимов: стили мышления, «темы», «исследовательские программы» (термин И. Лакатоса), «картины мира» – то, что представляет собой «исходные предпосылки формирования конкретного содержания научных концепций, теорий, объяснительных схем и пр.» (В.С. Швырев); «точки зрения на язык, или установки субъекта познания» (В.И. Постовалова); «модель постановки проблем в совокупности с приемами их решения» (В.А. Маслова); в отдельных научных исследованиях – направление.

В методологии науки и теории языкознания учеными достаточно активно изучаются особенности развития парадигм научного знания в XIX–XXI вв, среди наиболее значимых отметим следующие исследования: [Алефиренко 2005; Алпатов 2018; Арутюнова 1991; Демьянков 1995, 2008; Гак 1998; Караулов 2010; Кубрякова 1994, 1995, 1998, 2008; Кун

1977; Маслова 2008; Пищальникова 2018; Позднякова 2008; Постовалова 2018; Степанов 1985, 1995; Телия 2021; Фрумкина 1995 и др.].

В начале XXI века парадигма характеризуется на основе следующих параметров:

- «хронотопические рамки парадигмы;
- условия, предпосылки и мотивы ее появления;
- установки и цели;
- предметные области ее анализа;
- используемые здесь методики;
- эвалютивный (оценочный) аспект» [Кубрякова 2008, с. 9].

Проблема однозначного понимания термина «научная парадигма» до конца не решена, что характеризует процесс научного познания в данной области как развивающийся (множественность определений понятия «парадигма» свидетельствует об этом), именно поэтому в современной лингвистике представлены разные подходы к выделению научных парадигм, их количеству и значимости для научного исследования.

Спектр лингво-историко-социокультурных проблем, стоящих перед современной лингвистикой, требует выработки адекватных методов их решения, зачастую в рамках полипарадигмального подхода.

В главе также рассматриваются основополагающие установки лингвистической парадигматики, к которым относятся экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или неофункционализм, экспланаторность (Е.С. Кубрякова). Именно с указанными положениями и связано возникновение новых парадигм научного знания.

В параграфе «**Особенности современных лингвистических парадигм**» рассмотрены основные парадигмальные принципы современной лингвистики, которые, по мнению Ю.Н. Караулова, связаны с пониманием исторического характера языка, его социальной природы, системно-знакового устройства и психической сущности [Караулов 2010, с.8].

В лингвистике представлены разные подходы к классификации научных парадигм. По структуре выделяются макропарадигмы, микропарадигмы (Н.Ф. Алефиренко); по основным сущностным свойствам исследователи характеризуют структурализм, генеративизм, когнитивизм, неофункционализм (основные лингвистические парадигмы XX века) (Е.С. Кубрякова); сравнительно-историческую, системную (структурно-таксономическую) и антропоцентрическую – над- или суперпарадигму, дискурсивно-когнитивную парадигму (Н.Ф. Алефиренко).

Главной особенностью современной лингвистики является формирование «новой, интегральной парадигмы знания – функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы не только за горизонты традици-

онной структуральной лингвистики, но и за горизонты той жестко организованной и по преимуществу формализованной концепции языка, какой является генеративная парадигма знания» [Кубрякова 1995, с. 230].

Как считает В.И. Постовалова, полипарадигмальность или мультипарадигмальность является «конститутивной чертой научного познания» [Постовалова 2018, с.37]. Кроме того, полипарадигмальность обусловлена и полиаспектностью объекта, обладающего множеством граней, связей для лингвистического анализа, именно поэтому «в процессе научного познания делается упор на определенную грань объекта, что позволяет углубленно изучить данный аспект явления, но вместе с тем делает возможными различные решения» [Гак 1998, с. 24].

Ономастические исследования в XXI веке также реализуют полипарадигмальный подход к изучению проприальной лексики.

Л.А. Климкова отмечает, что современная лингвистика, отличаясь объяснительностью (экспланаторностью) и полипарадигмальностью, сохраняет и традиционные парадигмы научного знания: «В последние десятилетия XX и в начале XXI века изучение нижегородских говоров, как и вся русистика, вышло на новый уровень – не просто описательный, но объяснительный, в этнолингвистическом, этнокультурном, социолингвистическом аспектах, через призму языковой картины мира – общей и индивидуальной, антропоцентризма, когнитивизма, языковой личности, коммуникативной прагматики. При этом в условиях полипарадигмальности русистики и диалектологии как ее составной части сохраняется и традиционная парадигма – системно-структурная организация языка и историзм» [Климкова 2008, с. 3].

Еще одной особенностью современной лингвистической парадигматики является расширение границ науки. В.М. Алпатов замечает, что в лингвистике заметна склонность к подобной экспансии, что отражает процесс развития научной парадигмы [Алпатов 2018, с. 33]. Расширение границ науки связано, прежде всего, с выходом лингвистики в смежные науки, с развитием интеграции, с образованием синтезированных дисциплин, таких как лингвокультурология, этнолингвистика, психолингвистика, лингвокраеведение и др.

Современная лингвистика характеризуется формированием новой парадигмы научного знания, основу которой составляют следующие параметры: конструктивность, проявляющаяся в синтезе подходов и направлений; полипарадигмальность; столкновение генеративистики и постгенеративистики, выразившееся в развитии неофункционализма; синтез когнитивистики и коммуникативного подхода к языку. Кроме того, к особенностям современной научной парадигмы относится расширение тематики лингвистических исследований и расширение границ науки.

В параграфе **«Понятие «лингвокраеведческая субпарадигма»** на основе парадигмальных установок характеризуется лингвокраеведческая субпарадигма, определяется ее научный потенциал и векторы развития.

Под лингвокраеведческой субпарадигмой понимается интегративная модель исследования системы русского языка, предполагающая привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования. Научные изыскания в таком случае осуществляются на основе и с привлечением краеведческих сведений (материалов архивных фондов, исторических музеев, историко-художественных, историко-культурных центров и др.)

Понятие «лингвокраеведческая субпарадигма» рассматривается с позиций Воронежской лингвокраеведческой школы, Воронежской ономастической школы (руководитель – профессор, доктор филологических наук Г.Ф. Ковалев).

Разрабатываемая субпарадигма, как полагаем, находится на пересечении различных парадигм научного знания, однако центральными являются антропоцентрическая с ее обращенностью к человеку, сравнительно-историческая и системно-структурная. Лингвокраеведческая субпарадигма позволяет изучать фрагменты региональной языковой картины мира, что будет способствовать созданию целостного представления о национальной языковой картине мира.

Лингвокраеведение является той площадкой на базе антропоцентрической парадигмы, которая соединяет лингвистические и иные научные знания для решения целого комплекса важных лингвистических и общественных проблем. В процессе «взаимообогащения и взаимодействия всех заинтересованных наук» [Кубрякова 1995, с.225] такая парадигмальная особенность, как экспланаторность приобретает особое выражение: «Принцип экспланаторности обретает тогда более конкретное содержание, ибо взаимопроникновение наук позволит выявить и обнаружить разные типы объяснений и придать каждому из них (когнитивным, функциональным, биологическим и пр. объяснениям) рациональное содержание» [Кубрякова 1995, с.225].

В параграфе **«Лингвофилософские основы лингвокраеведческой субпарадигмы»** дается лингвофилософское обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы, проводится анализ существующих лингвофилософских концепций, определяющих связь языка и мышления, языка и общества, языка и личности человека.

Образованная пересечением антропоцентрической, сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм знания, лингвокраеведческая субпарадигма базируется на лингвофилософских идеях о связи языка и человека, его мышления, особенностей мировосприятия, менталитета; на положениях, регламентирующих изучение языка в связи с историческими особенностями его развития, общественными и историко-

культурными условиями формирования языковых единиц; на теориях, определяющих знаковый характер языка и его системность, проявляющуюся в четкой структуре. Безусловным является применение основ историзма, реализуемого в сочетании с системно-структурным изучением языковых единиц [см.: Караулов 2010, с.8].

Особо значимыми для выделения лингвокраеведческой субпарадигмы являются положения В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртене, Ю.Н. Караулова о связи языка с историей, об историческом характере языковых явлений, теория антропоцентризма, развившаяся в научную парадигму знания (в связи с этим рассматриваются идеи И.А. Бодуэна де Куртене, В. фон Гумбольдта, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой других исследователей); системно-структурные направления лингвистических исследований (взгляды Ф. де Соссюра, В. фон Гумбольдта и других ученых).

Среди основных идей, определяющих лингвокраеведческую субпарадигму как научное направление исследований, выделяются положение Л.А. Климковой о лингвокраеведении как научном направлении и виде деятельности [см: Климкова 2017], представление Г.Ф. Ковалева об интегративном характере лингвокраеведческого знания, применяющегося в качестве одного из базовых при изучении различных классов имен собственных (для Воронежского края в равной степени как русских, так и украинских) [см.: Ковалев 1996, 2005, 2007, 2014, 2018, 2021 и др.]; концепция полевой организации ономастического пространства В.И. Супруна, понимание региональной ономастической картины мира, предложенное А.С. Щербак.

В главе II «Развитие лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка» определяется место лингвистического краеведения в современной лингвистике, рассматриваются истоки субпарадигмы, дается ее общая характеристика, решаются вопросы методологии лингвокраеведения.

Параграф **«Лингвистическое краеведение в системе языковедческих дисциплин»** посвящен изучению проблемы понимания термина «лингвистическое краеведение» в научной сфере знания, в лингвистике, характеристике лингвистического краеведения как научной дисциплины (предмет, цель, задачи исследования), типов и видов лингвистического краеведения.

В параграфе указывается, что объектом исследования в лингвокраеведении является рассматриваемый через призму краеведческих данных язык в региональном употреблении, представленный в диалектной системе, ономастической, художественной, фольклорной, а также в текстах исторических документов и в публицистике, относящейся к краю. Предмет

изучения лингвокраеведения – особенности языка того или иного края, рассматриваемые на основе краеведческих сведений.

Образуя комплексную, интегративную дисциплину, лингвокраеведение объединяет следующие разделы языкознания: диалектологию, ономастику, отчасти лингвистическую географию и этнолингвистику, а также краеведение.

В парадигме научного знания лингвокраеведение находится на стыке лингвистики, краеведения и лингвострановедения (здесь имеется в виду прежде всего руссиеведческое, отечествоведческое направление).

В параграфе проводится дифференциация понятий *лингвистическое краеведение*, *региональная лингвистика*, *лингвореггионоведение*, *лингвострановедение*; отмечается, что лингвокраеведение представляет собой научную и учебную дисциплину, которая отличается от смежных дисциплин по следующим основным параметрам:

1) предмету изучения (предмет изучения лингвокраеведения – региональные особенности языка, рассматриваемые в соотношении с краеведческими данными);

2) связи с разнообразными данными краеведческого характера (изучение языка региона осуществляется в связи с обращением к историческим, историко-культурным, этнографическим, археологическим, географическим и иным сведениям о крае);

3) субъекту, осуществляющему лингвокраеведческие исследования (в отличие от лингвострановедения, ориентированного на изучение сведений о стране иностранными гражданами, лингвокраеведение предполагает изучение языка родного края носителями этого языка).

Выделяются следующие типы лингвокраеведческих исследований – *школьное лингвокраеведение* и *академическое, или научное лингвокраеведение*. Среди видов лингвокраеведения рассматриваются историческое лингвокраеведение, географическое лингвокраеведение, этнографическое лингвокраеведение, литературно-лингвистическое краеведение, интегрированное лингвокраеведение, педагогическое лингвокраеведение.

В параграфе «**Истоки лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка**» рассмотрена деятельность В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и других ученых XVIII в., что позволило определить деятельность М.В. Ломоносова как ученого, заложившего основы научного лингвокраеведческого изучения языковых единиц (при этом отмечена и важная роль В.Н. Татищева и В.К. Тредиаковского в развитии лингвокраеведческого подхода в научных исследованиях).

В параграфе охарактеризованы этапы развития отечественного лингвокраеведения: донаучный период (с 20-х годов XVIII века до конца 40-х гг. XVIII века), ломоносовский период, или начальный научный пе-

риод (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века), начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века), родиноведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения, период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века).

В параграфе **«Отечественное лингвокраеведение в XX–XXI вв.»** рассматриваются особенности развития лингвокраеведческого направления в исследовании системы русского языка в России в XX–XXI вв. Характеризуются основные направления лингвокраеведческой деятельности в XX веке – диалектологическое и ономастическое, в XXI веке – диалектологическое, ономастическое и этнолингвистическое; отмечается развитие и психолингвистического и этнолингвокультурологического аспектов изучения языка региона на основе привлечения краеведческих данных. Научные лингвокраеведческие исследования XXI века характеризуются полипарадигмальностью.

В главе рассматриваются вопросы воронежского лингвокраеведения, характеризуются направления лингвокраеведческой деятельности в данном ареале. Воронежское лингвокраеведение как компонент общенационального лингвокраеведческого направления изучения языка представлено диалектологическим, ономастическим (региональная ономастика и литературная ономастика, относящаяся к Воронежскому краю), этнолингвистическим, лингвокультурологическим и отчасти социоллингвистическим аспектами. Лингвокраеведческие исследования (научный руководитель – проф. Г.Ф. Ковалев) в основном полипарадигмальны, выполнены в комплексе нескольких парадигм.

Отдельно выделяется ономастическое направление лингвокраеведческих исследований и рассматривается в одноименном параграфе.

Параграф **«Методология лингвистического краеведения»** содержит характеристику методики лингвокраеведческого анализа единиц регионального ономастикона.

Приводится описание лингвокраеведческого анализа региональных ономастических единиц с учетом концепции Ю.Н. Караулова (изучение языка должно осуществляться как внутри системы языка, так и за его пределами: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, <...> не обратившись к конкретной языковой личности» [Караулов, с. 7]).

Изучение национального языка должно осуществляться на общественно-исторической основе: «Единственным противоядием от неизбежного, казалось бы, редуccionизма при обращении исследователя к языку в человеке будет введение в анализ вполне определенного национального

языка вместе с определенными историко-, этно-, социо-, психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов, с. 7–8]).

Изучение региональных языковых единиц осуществляется с учетом основных принципов лингвокраеведческой работы, охарактеризованных Г.Ф. Ковалевым (сопоставление диалектной речи с литературным языком (не противопоставление их, а именно сопоставление); понимание того, что диалектная речь – это «драгоценнейший пласт национального языка»; изучение региональной ономастики; привлечение в качестве источника для лингвокраеведческого исследования литературы и фольклора края [Ковалев 2014, с. 233–237]), и положения А.В. Суперанской о целесообразности изучения имен собственных в соотношении с историко-культурными особенностями края («ономастическое обоснование имени устанавливается из сопоставления реалий той эпохи, когда создавалось имя, с лексическими значениями слов, их обозначающих, на основе значения культурно-исторических условий и при наличии структурных и семантических подтверждений в параллельном материале других территорий» [Суперанская 2009, с.83–84]).

Под лингвокраеведческим анализом ономастических единиц понимаем методику (процедуру) изучения имен собственных региона на основе привлечения как лингвистических, так и краеведческих данных.

В параграфе рассматривается понятие «лингвокраеведческий анализ» в широком и узком смысле, характеризуются приемы лингвокраеведческого анализа: историческая (историко-культурная, географическая, этнографическая, демографическая и др.) справка о населенном пункте, ономастикон которого изучается; лингвокраеведческое комментирование языковых фактов (приведение отдельных сведений из истории и культуры края для подтверждения или опровержения этимологии онима, его локальной прикреплённости); лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы (характеристика ономастических единиц на основе привлечения сведений из истории, географии, этнографии, археологии края); собственно лингвокраеведческий анализ, состоящий в комплексном изучении семантики основы онима, мотива номинации, особенностей функционирования имени собственного на основе собственно лингвистических (материалы этимологических словарей, словаря В.И. Даля, «Словаря русских народных говоров», «Словаря воронежских говоров», словарей говоров отдельных регионов, историко-этимологических, энциклопедических и иных словарей) и научных краеведческих данных: исторических (в том числе и архивных), географических, археологических, биологических и иных.

Собственно лингвокраеведческий анализ состоит из следующих последовательно применяемых приемов:

- изучение функционирования онима в контексте (по возможности)
- изучение речи диалектоносителя, включающей данный оним;
 - формантный анализ;
 - применение приемов этимологического анализа для установления первоосновы, наиболее ранней формы слова;
 - компонентный анализ лексического значения исходного онима / апеллятива – изучение наполнения семемы различными семами, в том числе и коннотативными, и потенциальными, и вероятностными;
 - выявление актуализированных сем;
 - лингвокраеведческое комментирование семантики языковой единицы: приведение научных краеведческих данных, сведений из документальных источников, подтверждающих возможность существования данного языкового факта в данном регионе при данных условиях в данное время.

В качестве примера в исследовании приведен лингвокраеведческий анализ фамилии Болдырев (одной из распространенных фамилий городов Борисоглебска и Воронежа).

Фамилия Болдырев восходит к прозвищному именованию Болдырь. «Словарь русских народных говоров» включает три омонима к лексеме *болдárь* и три омонима к лексеме *бóлдырь* (два из них *бóлдырь*), слова *болдырёнок* и *бóлдырка* [СРНГ-3, с.72]. С пометой «донское» отмечены лексемы *бóлдырка* – ‘порода овец, представляющая собой помесь двух видов или пород’ [СРНГ-3, с.72]; *бóлдырь* – ‘то же, что и 3. Болдарь’: 3. Болдárь – ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’ [СРНГ-3, с.72]. В этом же значении указанная лексема известна в астраханских, архангельских, оренбургских, самарских, ставропольских, сибирских, уральских говорах [СРНГ-3, с.72]. В воронежских говорах употребляется и слово *болдырничать* – ‘бездельничать, слоняться без дела’ [СВГ-1, с.123].

В словаре М. Фасмера лексема *бóлдырь* зафиксирована как общеупотребительная в значении ‘ребенок от брака русского с лопаркой или самоедкой [саамкой]’ [Фасмер-1, с.187], с пометой «курское» слово отмечено в значении ‘плетеная из хвороста и обмазанная глиной дымовая труба, выведенная из сеней’ [Фасмер-1, с.187].

В России одно из ранних упоминаний именованья Болдырь относится к концу XV века – в 1495 году, по данным Н.М. Тупикова, в писцовых книгах записан был Якуш Болдырь, крестьянин Коломенского погоста [Тупиков 2004, с. 58]. Из тринадцати антропонимов, указанных Н.М. Тупиковым, семь именовали казаков, преимущественно донских. Более ранний период появления именованья Болдырь не следует рассмат-

ривать, поскольку «первые следы христианских поселений встречаются в пределах Червленого Яра, между Хопром и Доном, около половины XIV в. столетия» [Второв 2012, с. 102], а «новое заселение края началось не ранее XV столетия» [Список населенных мест ... 1865, с. XX].

На территории Воронежского края, по материалам В.И. Хитровой, одно из ранних упоминаний лексемы *болдырь* относится к концу XVII века (1699 г.): в документах Воронежской приказной избы *болдырь* – ‘человек, родители которого принадлежат разным народностям’ [Хитрова-1, с. 105].

Смешанные браки на Дону, видимо, являлись обычными, поскольку донскую территорию заселяли люди разных национальностей. Исторические источники подтверждают возможность функционирования слова *болдырь* на территории Воронежского края в указанном выше значении. Воронежский край, «область Дона издревле была занимаема разными кочевыми народами, выселившимися из Азии» [Список населенных мест ... 1865, с. XVIII]: это хазары, с начала IX столетия – печенеги, со второй половины XI века до середины XIII века – половцы, с 1223 года – монголы, татары [Список населенных мест ... 1865, с. XVIII]; «другим важным для Украины (здесь Украина – окраина государства – Л.В.) событием, отразившимся в истории судоходства, было соприкосновение наше с донскими казаками. Эти разноплеменные выходцы, между которыми главную массу составляли русские и черкасские беглецы, были первыми оседлыми поселенцами Донской страны после татарского нашествия» [Малышев 1856, отд. III, с. 58]. Лопари, или саамы, отмеченные в значении лексемы *болдырь*, – это финно-угорский народ, представители данной народности тоже жили на территории Воронежского края: «Среднерусская Черноземная область с самого начала Руси была местом соприкосновения финского и русского оседлого поселения, обитавшего на северо-западе и севере ее, с кочевниками, которые надвигались периодически грозными тучами с юго-востока, из глубины Азии на русские степи и занимали юго-восточную и южную окраины Среднерусской Черноземной области» [Россия. Полное географическое описание ... 1902, III].

Приведенные материалы определенно показывают, что именование *Болдырь* в России широко стало распространяться с XV в. преимущественно в казачестве, с XVII века лексема *болдырь* получает распространение в воронежских говорах, следовательно, возможно и возникновение фамилии Болдырев на территории Воронежского края. При этом нельзя исключать и варианта образования фамилии Болдырев от прозвища, связанного с известным в воронежских говорах словом *болдырничать*.

Микротопонимия Воронежского края подтверждает распространенность антропонима Болдырев: в «Словаре микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалевым зафиксировано несколько однокоренных мик-

ротопонимов: *Бóлдырев* – ‘участок леса у с. Щучье Эртильского района’, *Болдырева* (улица) – ‘часть села Истобное Репьевского района’ [Ковалев, 2017, с. 82], в селе Истобном функционирует и название хуторок Болдырева [Ковалев, 2017, с. 82].

Проведенный лингвокраеведческий анализ фамилии Болдырев позволяет установить следующее: воронежский антропоним четко указывает на существование контактов разных народов на территории Воронежского края, в частности славянских племен и тюркских и финно-угорских (подтверждаемых и историческими источниками), что отразилось в функционировании прозвищного именованья Болдырь, которое с помощью форманта *-ов* оформилось в русскую фамилию.

На примере воронежской фамилии Болдырев показана методика применения лингвокраеведческого анализа для извлечения сведений, относящихся к истории и культуре региона. Полученная информация может быть полезной для изучения региональной языковой картины мира по данным регионального антропонимикона.

Во второй главе также анализируется лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и рассматривается ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века.

В главе III **«Изучение воронежского ономастикона в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы»** на примере анализа региональных онимов показываются возможности извлечения из имен собственных специфической лингвистической и экстралингвистической информации.

В параграфе **«Использование лингвокраеведческого подхода при изучении региональной антропонимии»** проводится разноплановый анализ официальных фамилий с целью изучения фрагментов региональной языковой картины мира (представления о человеке, отраженные в сельской антропонимии; представления о ремеслах в антропонимии города Борисоглебска; изучение моделей и диалектных особенностей воронежских антропонимов XIX века с помощью приемов лингвокраеведческого анализа).

Установлено, что выделенные группы воронежских антропонимов дают достаточно полную характеристику фрагмента региональной языковой картины мира в плане представлений о человеке. Восстановленный фрагмент языковой картины мира относится к XIX – началу XX века, – периоду развития воронежской семейной системы (преимущественно крестьянской).

Анализ воронежского антропонимического материала позволяет сделать следующие выводы.

I. Наиболее актуальными для жителей Воронежского края являлись следующие характеристики человека, отраженные в воронежской антропонимии.

1) Физиологические особенности, обусловленные визуальным восприятием: характерные признаки человеческого тела, отличающие его от других людей – отсутствие руки, особенности строения тела (сухощавый, полный, хилый, рослый и под.), рост человека (высокий, низкий (маленький человек), особенности лица (глаза, губы, зубы (в том числе и нехватка зубов), нос, уши, щеки, покрытость рябинами); особенности волосяного покрова, характеристика усов (наличие кудрей, чуба, отсутствие волос, наличие усов); характеристика человека в целом по внешнему виду (миловидный), характеристика человека по особенностям внешности, обусловленным колоративным признаком (цвет волос, глаз, усов и под.): Безруков, Безручко, Зубков, Глазков, Гладков, Губанов, Губачев, Долгов (*дóлгий* – длинный), Дыхненко (о хлебе, тесте: «*юж. дýхлый* – пышный» [Даль-1, с. 508]), Зюбин (в основе фамилии патроним Дзюба, который восходит к слову *дзю́ба* – «наклеванный плод; рябой, щедровитый, лицо или человек, изрытый оспою» [Даль-1, с. 435]), Кирнос, Кирносов, Косолапов, Кривобоков, Кривоносов, Кривоусов, Кудрявцев, Кудряшов, Ломоносов, Лысеноков, Малышкин, Малеев, Малюков, Малютин, Масычев (ср.: воронежское *ма́сенький* – маленький; *масéта* – малыш), Махортов (ср.: *мухóртый* – «о чел. тмб. слабый, хилый, тощий и малорослый» [Даль-2, с. 363]), Чупрыкин, Чупряев, Щербинин, Щечин и др.; Белов, Белоусов, Беляев, Беляков, Жученков (*жу́ковий* – очень черный [Авдеева-1, с. 127]), Руденко (*рудой* – «*юж. зап. рыжий и рыжебурый*» [Даль-4, с. 108]) и др.

2) Физиологические особенности, обусловленные аудиовосприятием: характеристика человека по возможности хорошо слышать: Глухов, Глушков, Глущенко и др.

3) Особенности поведения человека: отношение к труду (мастеровитость, лень, шатание без дела и под.); поведение, мешающее другим людям (беспокойство, суетливость, взбалмошность, проказничество, шарканье, битье, гульба, ругань, кашель); отношение к женщинам (волокита); отношение к окружающим (быть добрым, помогать), отношение к процессу говорения: нежелание говорить (молчаливость) или желание вести пустые разговоры (пустословить, повторять что-то), физиологические характеристики поведения (моргать, объедаться, прыгать и под.), в целом поведение человека (тихий, странный): Балабанов, Балакирев, Бредихин, Бессонов, Булгаков (*булга* – суета; др.-тюрк., казах. *bulyak* «смятение» [Фасмер-1, с.238]), Верченко, Гомозов (*гамаза́* и *гомоза́* – 1. Непоседа, егоза; беспокойный суетливый человек, в том числе и *ворон.*; надоедливый человек. *Хоперск., донск.* 2. Гомоза – «суетливость, торопливость; непоседливость. *Ворон.* 3. Беспокойство, забота; волнение. *Ворон.*; бессонница. *Ворон.*») [СРНГ-6, с.125]), Добродеев, Лаенко (*укр. ла́йка* – ругань), Лежнев,

Лотырёв (лоты́рь – юж. западн. гуляка, лодырь [Даль-2, с. 274]), Молчалов, Моргунов, Тихоненко, Чистяков и др.

4) Особенности характера человека: бойкий, неповоротливый, угрюмый, ябедник, растяпа, лихач, хмурящийся, плаксивый, медлительный, переборчивый, бранящийся: Бойко, Бойченко, Вялый, Дюков (*дюк* – «влд. молчаливый или угрюмый человек, медведь, бука» [Даль-1, с. 512], Лихачёв, Рюмин (*рюма* «ряз. смб. плакса, хныкса, рева» [Даль-4, с. 123]) и др.

5) Умственные способности человека: умный человек, остроумный: Востриков, Мозговой, Разумовский.

6) Особенности речи человека: человек заикается, произносит звуки горлом, говорит шепеляво: Гугнин (*гугни́веть* – заикаться, тамбовское [СРНГ-7, с.199]); Хрыкин (*хрыкать* – издавать звуки горлом), Шамонин (*шамони́ть* – «говорить как беззубый» [Даль-4, с.620]) и др.

7) Этническая принадлежность человека: метис (родившийся от брака русского человека с женщиной другой национальности), калмык, черкас: Болдырев, Калмыков, Черкасов.

8) Особенности представления о семье человека и родственных отношениях: отсутствие жены, номинация человека по отношению к другим родственникам: Безбабный, Бобылев, Диденко, Дядиченко, Пятибратов.

9) Особенности названия ремесел, видов деятельности, широко распространенных в XIX веке: перекупщик, изготовитель приспособлений для ткацких станков; человек, изготавливающий деревянную посуду, бочки; пчеловод; человек, работающий на речных судах; мастер, изготавливающий глиняную посуду; церковные служители; человек, который печет калачи; кузнец; военный человек (воин (с луком), воин, имеющий определенное звание, должность); человек, который варит пиво, мелет муку, рубит и продает мясо, возделывает овчины, пашет, продает рыбу, торгует скотом, сбивает масло, мелет зерно в муку, шьет одежду, обувь, красит ткани, ткёт, пасет скот, является извозчиком, валяет шапки, шьет одежду и др.: Барышник (барышник – перекупщик, торгаш [Даль-1, с.52]), Бердник (*бердник* – изготовитель берд; *берда́* – «часть ткацкого ткани» [СВГ-1, с.97–98]), Бондарь, Бондаренко (*бондарь* – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с.114]), Каданин (Каданя < Кадаш < *када́ш* «бочар, кадочник. Влад. Ряз.» [СРНГ-12, с.298]), Калашников (*калачник* – «кто печет калачи, ими торгует» [Даль-2, с.76]), Ковалев, Ковалевский, Коваленко («коваль южное, кова́ч восточное, кове́ц псковское – кузнец» [Даль-2, с.129]), Кравцов (*крове́ц, кра́вец* – «юж., зап. портной» [Даль-2, с.200]), Олейников (*оле́йник* – «юж. зап. маслбой, маслбойщик, масляк» [Даль-2, с.670]), Праслов (лексема *пра́сол* обозначает «скупщик мяса или рыбы (для соленья?) для розничной, мелочной распродажи; тамб. гуртовщик, торговец скотом» [Даль-3, с.394]), Синельников (*синильник* – «мастер,

красящий ткани в вайду, в кубовую краску, *местами в деревн.* красильщик вообще» [Даль-4, с.191]), Смышников (*смѣшленик* – «стар. механик, инженер, искусник» [Даль-4, с.246]), Чередниченко (слово *череднік* в XIX веке имело значения «*юж. нврс.* пастух при череде, при крупном скоте» [Даль-4, с.609]), Чумаков (слово *чума́к* обозначало в XIX веке «*юж. нврс. сар. млрс.* протяжной извозчик на волах (в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль)» [Даль-4, с.633]) и др.

Характеристика человека по виду деятельности (отмечается и нежелание работать, леность человека как отличительное свойство, ставшее признаком номинации человека) дает обширную информацию о ремеслах, значительная часть которых в настоящее время не актуальна в связи с развитием общества, общественных отношений: бердник, бондарь, бочар, бурлак, гончар, гошечник (в настоящее время известны единичные случаи сохранения мастерства горшечника), калач(ш)ник, кузнец (в настоящее время известны единичные случаи сохранения мастерстваковки), лучник, мельник, олейник, пивовар, прасол, решетник, синельник, скляр, шаповал и др. Воронежские фамилии отражают представление о ремеслах, названия которых стали архаизмами: барышник, возник, смышник, чередник, швец. Также фамилии дают информацию о названиях военных должностей, церковных званий, отдельных ремесел / профессий, которые практически не изменились: майор, дьячок, разговорное название священника поп, пономарь, мясник, плотник.

10) Представления о прежнем месте жительства человека, связь человека с тем местом, откуда он переселился: Варварский, Вышегородских, Городецкий, Камышанский, Ломовцев (откатойконимная фамилия), Морховский, Ольховатский, Ряснянский, Уральский, Шацкий, Яицкий и др.

II. В воронежской антропонимии отчетливо отражен украинский элемент, проявившийся на лексическом и словообразовательном уровнях: семантика основ фамилий фиксирует украинские корни антропонимов; характерный для украинских фамилий формант *-енко-* и оттопонимный характер образования антропонимов свидетельствуют о переселении в Воронежский край жителей Украины (Безручко, Бондаренко, Дыхненко, Диденко, Дядиченко, Жученков (*укр.* жу́ковий – очень черный), Коваленко, Майстренко (*укр.* майструва́ти – мастерить), Шевченко, Шумейко и др.). Лингвистические особенности воронежского ономастикона подтверждаются многочисленными историческими данными, см., например, у Е.А. Болховитинова: «А по Указу 1696 года браны были переведенцы и из других Украинских городов, Русские люди и Черкасы» [Болховитинов 1800, с.2]. Исторические данные свидетельствуют о том, что Воронежская губерния к 1865 году была населена одним миллионом малороссиян (украинцев), что в зависимости от уезда составляло от 22 до 96% от общего количества жителей уезда, «причем наиболее слабо населены ими в этой по-

лосе уезды Белгородский, Корочанский и Новохоперский (22–34%)» [Россия. Полное географическое описание... 1902, 168–169].

III. Воронежский антропонимический материал четко показывает, что наиболее важными в региональной языковой картине мира (особо отметим, что здесь уместно считать изучаемый нами материал фрагментом картины мира XIX века) в области представлений о человеке являются характеристики человека по физиологическим особенностям, особенностям поведения и виду деятельности.

Воронежская антропонимия дает широкое представление о региональной языковой картине мира XIX века, отражая не только важные для человека психолого-физиологические характеристики и его общественно-полезную деятельность, но и этно- и демографические особенности края. Региональная специфика языковой картины мира, восстановленной по данным воронежского антропонимикона, обусловлена диалектной основой воронежских некалендарных фамилий.

На основании изучения представления о ремеслах в антропонимии города Борисоглебска был сделан вывод о том, что фамилии города Борисоглебска Воронежской области – ценнейший источник для изучения языковой картины мира, фрагментом которой являются представления о профессиональной принадлежности человека.

Среди антропонимов данной группы некоторые имеют диалектную основу или отражают историко-культурные особенности Воронежского края, приведем примеры.

Алейников (6¹) < Алейник < олейник – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк» [Даль-2, с.670]; общеславянское *oley* – «растительное масло», юж., зап. [Фасмер-3, с.134]. Фамилия Алейников, отражающая аканье, и Олейников, по мнению Б.О. Унбегауна, относятся к украинским (*олійник*) и восходят к прозвищу из польской лексемы *olejnik* [Унбегаун 1989, с.213]. Эта точка зрения подтверждается историческими данными, которые содержат сведения о том, что в XVIII веке южные уезды Воронежской губернии заселялись малороссиянами (украинцами) [Материалы для географии и статистики России 1862, с.95].

Бондарев (10), Бондаренко (20), Бондаренков (1) < Бондарь < *бóндарь* – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с.114]. Лексема *бóндарь* – производное от *бóдня* «кадка, бочка», слово восходит к заимствованию из германского языка **budin* [Фасмер-1, с.175]. Фамилия широко распространена и имеет диалектную основу: воронежским говорам известны лексемы *бондárка* – ‘кадушка, преимущественно дубовая’, *бондárня* –

¹ Цифра в скобках означает частотность фамилии (количество единиц в телефонном справочнике).

‘мастерская по изготовлению различных бондарных изделий’, *бондарский* – ‘относящийся к бондарному производству’ [СВГ-1, с.128].

Бочаров (16) < Бочар < бочар < бочка < *бъчи < нем. *Vöttcher* «бондарь, бочар» [Фасмер-1, с.202]. Бочар – «обручник, бондарь, делающий бочки и другую вязаную посуду» [Даль-1, 123], воронежское *бочарня* – ‘мастреская по изготовлению бондарных изделий, в частности бочек’ [СВГ-1, с.134]. В Борисоглебске известны и фамилии Бочкарев (6) и Бочкаев (1).

Горшенев (29) < Горшеня < горшеня – «горшечник, горшеня, глиник, глинчар, скудельник, мастер глиняной посуды» [Даль-1, с.385]. Достаточно частотная фамилия Горшков (15) также может восходить к названию по ремеслу, связанному с горшечным делом. Единичные варианты однокоренных лексем Горшняков, Горшунов отражают и другие наименования мастера, который изготавливает глиняную посуду: горшняк, горшун. Воронежским говорам в значении ‘гончар’ известны лексемы *горшелён* и *горшечник* [СВГ-2, с.102–103], а также *горшечничать* – ‘заниматься гончарным ремеслом’ [СВГ-2, с.103].

Зарщиков (9) < Зарщик < зарщик / зорщик. *Зорщик* – «кто зорит, очищает масло, купоросную кислоту» [Даль-1, с.437]; *зэривать, зэрить* – «очищать жидкость, отстаивать, давать оседать мутным частям, делать ее светлой, сквозистой» [Даль-1, с.437]. В воронежских говорах *зарить* – ‘оставлять до зари’ [СВГ-3, с.266], известна и лексема *зэристый* – ‘завистливый’ [СВГ-3, с.266].

В отличие от других суффиксов, указывавших на производителя действия, например, суффикса *-ник-*, более поздний суффикс *-щик-* употребляется только в русском языке и в производных от русских названий профессий [Унбегаун 1989, с.95]. Едва ли фамилию Зарщиков можно связать с лексемой *зэриться* в значении «жадно и завистливо глядеть» [Даль-1, с.648].

Ковалев (28), Коваленко (17) < Коваль < *южн.* коваль – ‘кузнец’ [Даль-2, с.129]. Коваленко < Коваль < коваль; Коваль < Коваль < коваль. Лексемы *коваль* и *кузнец* – исторически одного корня: чередование ов // у < ū относятся к древнейшей эпохе, ср.: «укр. *ковати, кую*, ст.-сл. *ковати, коую*, болг. *ковá* «кую», сербохорв. *ковати* <...> в.-луж. *kowaś*, н.-луж. *kowaś* <...>, лат. *cūdo* «бью, стучу, толку» [Фасмер-2, с.270]. Единичны фамилии Ковалевич (1), Коваленко (1), Ковальчук (1), а однокоренная фамилия Кованев (< Ковань < ковань – ‘кованые вещи, товар’ [Даль-2, с.129]) в телефонном справочнике отмечена трижды.

Кравченко (15), Кравцов (6), Кравец (1), Кравчун (1) < Кравец < кравец / кровец. *Кровец* / *кравец* – «*южное, западное* портной» [Даль-2, с.200].

Линник (4) < Линник < линник. Человека, который что-либо разлинеивает, в XIX веке называли *лино́вщик*, *лино(е)ва́льщик*, *линейщик*, *линейщик* [Даль-2, с.257]. При таком большом числе названий вполне могло употребляться еще одно – *ли́нник* – по действию разлинеивать, однако наиболее вероятным является вариант названия человека линником в связи с его принадлежностью линейным казакам, ср.: *линейщик*, *лине́ец* – «линейный казак вообще или терской»² [Даль-2, с.257]. Близость Борисоглебска к территории хопёрских и донских казаков дает возможность рассматривать и данный вариант этимологии фамилии.

Рогожников (10) < Рогожник < рогожник. Рогожник – «рогожный ткач, торговец» [Даль-4, с.100]. *Рого́зина*, *рого́жа*, *рого́жка* – «ткань, плетенка, полсть из рогозы, куги или из мочал; плетенка камышовая» [Даль-4, с.99]. Южное *рогоза́*, *рого́з* – «болотное растение куга, ситник, чакан» [Даль-4, с.99].

Швецов (6), Шевченко (7), Шевчук (5), Шве́ц (1) < Шве́ц < швец. Шве́ц – «*владимирские, тамбовские, ярославские, вятские, пермские, новгородские, олонецкие* портной и портниха, кто шьет одежду; простой крестьянский портной; швец, более шубник, тулупник» [Даль-4, с.655].

Данная группа фамилий отражает представление жителей Борисоглебска о названиях ремесел (сюда отнесем и лексемы типа *беломылец*), функционировавших в XVIII–XX вв: баранник, барышник, беломылец, беломытец, бердник, блинник, бондарь, бочар, бочкарь, винокур, глиничик, гончар, горшеня, гребенщик, дегтярь, зарщик, ка(о)вешник (*ковёц* – *исковск.* кузнец), калаш(ч)ник, коваль, кожевник, колесник, коновал, коршен(н)ик / корчен(н)ик (от *корчма́* – *южн.*, *западн.* – ‘кабак, питейный дом, но неоткупной, а вольной продажи; заезжий и постоянный двор, где держат напитки’ [Даль-2, с.173]), кравец / кровец, красильник, красник, линник, лушник, маслен(н)ик, метальник, мызник, мыльник / мыльщик, овсян(н)ик, овчинник, олейник, подтележник, рогожник, сердюк, серебряк, солодовник, толмач, торгаш, чернец, шаповал, шапош(ч)ник, есаул.

² В 1832 году для укрепления передовых линий было создано Кавказское линейное войско (инициатива его создания принадлежала генералу А.П. Ермолову), которое подчинялось армейскому командованию – наказному атаману (первоначально наказным атаманом являлся генерал-майор П.С. Верзилин). Впоследствии разделение этого войска на два фланга – Кубанский и Терский – и закрепило разделение казачьих войск на терских и кубанских. «По сравнению с соседним Донским войском линейные казачьи полки более напоминали подразделения русской регулярной армии» [Николаенко 2022]. Линейные казаки отличались от других казаков: «Линейный казак непревзойденно владел искусством верховой езды, мастерски обращался с оружием, был прекрасным следопытом и разведчиком» [Николаенко 2022]. Среди линейных казаков выделялись линейцы-пластуны – опытные воины-разведчики. В составе линейных казаков были и донские казаки, храбростью отличался Хопёрский казачий полк Ф.А. Круковского (40-е гг. XIX века) [Николаенко 2022].

Исторические источники, относящиеся к началу XX века, подтверждают данные антропонимии: И. Николаевский пишет, что в Воронежской губернии, «кроме сельскохозяйственных рабочих, весьма заметную группу составляют мелкие ремесленники: бондари, каменщики, колесники, кузнецы, овчинники, печники, плотники, портные, пряжи, сапожники, столяры, тележники, ткачихи, ведерники, горшечники, кровельщики, шерстобиты и проч.» [Николаевский 1909, с.15]. Также о заселении западной части Воронежского Прихоперья «промышленниками» находим сведения в работе В.В. Литвинова: «Берега Хопра в пределах нынешнего Новохоперского уезда стали заселяться разного рода промышленниками и казацкой вольницей с начала XVII века. Полноводная река и ее притоки, богатые рыбными ловлями, дремучие леса с бобровыми гонами, козьими стойлами и пчелиными бортями одинаково привлекали и тех, и других. Со второй половины XVII века сюда же стали стремиться еще и бежавшие от преследований раскольники» [Литвинов 1916, с. 113].

В данной группе наиболее распространенные фамилии – Бондарев (10), Бондаренко (20), Бочаров (16), Бочкарев (6), Гончаров (11), Горшенев (29), Ковалев (28), Коваленко (17), видимо, и широко распространенными профессиями являлись бондарь, бочкарь, гончар / горшеня, коваль.

Проведенный нами сравнительный анализ основ фамилий жителей Борисоглебска и основ фамилий жителей отдельных сельских населенных пунктов Воронежской области [см. Верховых 2022], связанных с профессиональной деятельностью, показал, что в городе представлен более широкий спектр профессий, чем в сельской местности. Данный факт обусловлен специализацией ремесел, увеличением числа обслуживающих профессий в Борисоглебске, например: баранник, беломылец, беломытец, винокур, глиничик / глищик, гребенщик, гребеночник, дегтярь, зарщик / зорщик, кожевник, метальник, мызник, овсян(н)ик, пастух, подтележник, рогожник, серебряк, солодовник, толмач.

В процессе исследования установлено, что борисоглебские фамилии достаточно полно отражают представления человека о профессиях, ремеслах, видах деятельности, что составляет фрагмент языковой картины мира XVIII–XX вв. Установлено, что наиболее частотной некалендарной фамилией является фамилия Попов (374), связанная не столько с названием человека, являвшегося священником, сколько с названием крестьянина, работавшего на священника. Широко распространенными в прошлом являлись такие профессии (ремесла, виды деятельности) в Борисоглебске, как коваль / кузнец (105 фамилий), гончар / горшеня (40), бондарь (30), пастух (24), красильник, красник (25), бочкарь, бочар (22), плотник (22).

Анализ языковых единиц показал, что апеллятивная основа фамилий представлена как общерусскими, так и локальными языковыми единицами. Так, региональный характер языковых единиц проявился в следующих

антропонимах, содержащих основы с южной, воронежской, тамбовской локализацией: Алейников, Бондарев, Бондаренко, Бочаров, Горшенев, Зарщиков, Кавешников, Ковалев, Коваленко, Кравченко, Рогожников, Швецов, Шевченко, Шевчук, Швец.

В ходе изучения моделей и диалектных особенностей воронежских антропонимов XIX века с помощью приемов лингвокраеведческого анализа были выделены основные модели воронежских антропонимов начала XIX века.

1. Имя + патроним (фамилия): *Иван Климов, Данила Антонов, Василий Иванов, Петр Васильев* и др. [ГАВО, ф. И-18, оп.1, д.108, л. 392].

2. Имя + патроним (фамилия) + патроним (фамилия): *Игнат Барисов Галкин, Яков Степанов Галкин, Григорий Васильев Земцов* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, л.716], *Григорий Васильев Ястребов, Казма Герасимов Деденков, Степан Гаврилов Беликов, Андрей Михайлов Верхоглядов* [Там же, лл. 751, 753, 754]. Данная модель именовании с «двойными фамилиями» доминирует в ревизских сказках по селу Красному Новохоперского уезда, но в ревизских сказках по деревне Елань этого же уезда таких именовании практически нет. Особенность рассматриваемых антропонимов в следующем: к имени добавляется патроним, образованный от календарного имени, а затем патроним, образованный от календарного имени или (чаще) прозвища: *Яков Семенов Михайличенков, Михайла Васильев Шилов, Филипп Алексеев Чигиринов, Иван Петров Коломнищов, Степан Дементьев Колесников, Федор Кондратьев Глушченков, Иван Алексеев Немельненков* и др.

Первый патроним впоследствии мог закрепляться в качестве отчества или фамилии.

3. Имя (обычно в род. п.) + патроним (в род. п.) + термин родства + имя в им. п. (или имя и фамилия): *Ивана Степанова сын Павел* [Там же, л. 731], *Степана Дмитриева брат Давид, Якова Степанова племянник Никита Моисеев, Никиты Ильина братья Матвей, Иван, Семен* [Там же, л. 716], *Василия Петрова внук Петр Петров* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, л.753], *Лазора Михайлова внуки Фома, Иван* [Там же, л.762].

4. Имя в род. п.+ патроним + порядковое числит. + термин родства + имя: *Василья Иванова третий сын Иван, его же четвертый сын Василий, пятый Гаврила* [Там же].

5. Имя в род. п.+ патроним + термин родства + имя + личное мест. + же + термин родства + имя / имена: *Сафрона Петрова жена Матрена, его же дочь Прасковья* [Там же, 395], *Семена Никитина жена Прасковья, его же дочери Прасковья, Хавронья* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, л.395].

6. Имя в род. п. + патроним + и + местоимение + термин родства + термин родства + имя: *Антон Павлова и его жены дети Захар, Гур, Гаврила* [Там же].

Особенностью антропонимической номинации начала XIX века в рассматриваемых населенных пунктах является присваивание детям одинаковых имен, а также называние ребенка именем отца. Для записи в таком случае используется частица *же* и следующие модели именовании.

6. Патроним + термин родства + имя + имя + *же*: *Сергеев сын Иван, Михаила, Иван же* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, 716].

7. Имя в род. п. + патроним + термин родства + имя + (имя) + *же*: *Семена Яковлева брат Семен же* [Там же], *Ивана Васильева сыновья Сергей, Сергей же* [Там же, л. 750], *Игната Матвеева сыновья Степан, Иван, Иван же, Осип* [Там же, л.769], *Степана Игнатова внуки Семен, Семен же* [Там же, л.805], *Василия Харитонов сын Андрей, 14 л., Андрей же, 4 г.* [Там же, л.878], а также *Михайла Иванова сын же Иван* [Там же, л. 770].

Частица *же* употребляется и при записи людей, имеющих еще одну фамилию: *Михий Личенков, он же и Дяченков* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, 716], *Федор Лукьянов Ястребов, он же ихолодеев* [Там же, л.751]. В отдельных случаях встречаем слитное написание союзов и написание имен или патронимов со строчной буквы.

В ревизских сказках 1816 г. по селу Красному есть записи, свидетельствующие о неустойчивости еще фамилии как категории, незакрепленности фамилии за определенным родом:

«Емельян Данилов Омельчинков

Емельяна Данилова сын Данила

Данили Емельянова сын Влас

Емельяна Данилова сын Марка

Марки Емельянова сыновья Григорий, Василий» и др. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.811]. Здесь Емельян имеет фамилии-патронимы Данилов Омельчинков, а его дети Данила, Марка – фамилию-патроним Емельяновы.

Антропонимическая система села Красного и деревни Елань Новохоперского уезда Воронежской губернии начала XIX века характеризуется пока еще несформированностью категории отчества, незавершенностью формирования категории фамилии. Особенностью рассматриваемого антропонимикона является наличие «двойных фамилий» – именовании-патронимов по отцу и, предположительно, деду.

На основе анализа антропонимии ревизских сказок было установлено, что антропонимия транслирует основные диалектные фонетико-орфографические особенности, прокомментируем некоторые из них.

1. Наличие аканья: *Алейников*³ [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л. 868]. На письме зафиксирован вариант фамилии Олейников с аканьем из прозвища

³ Здесь и далее в фамилиях не ставим ударение, поскольку в ревизских сказках оно отсутствует.

Олейник от *oleyник* ‘работник на маслобойне, маслобойщик’ [СРНГ-23, с.183]. В «Словаре русских народных говоров» лексема *oleyник* со ссылкой на В.И. Даля указана как южная, западная [Там же]. *Барзой* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.795]. Исходная фамилия – *Барзой* – может восходить к прозвищу из лексем *борзой / борзый* или *борзком* (нареч.). *Борзой* – ‘смелый, ловкий’, *рязанское*, а *борзком* – то же, что и *боржом* ‘поспешно, торопливо’, *воронежское* [СРНГ-3, с.98; СВГ-1, с.128]; *Масковой* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, лл.775, 851, 852]. *Масковой* < *Московой* < *Московский*. Этот антропоним указывает на переселенцев из Москвы или Московской губернии, в ревизских сказках лексема зафиксирована неоднократно.

2. Наличие мягкого [р'] на месте [р] в литературном языке: Комарев [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.867] (ср.Комаров), Кучерев [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.771, 869] (ср.Кучеров).

3. Наличие вставного слога: Иноверов [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.795] (ср. Иноверов).

В параграфе «**Применение приемов лингвокраеведческого анализа при изучении русско-украинского взаимодействия в воронежской антропонимии (на примере антропонимов села Красного Новохоперского района Воронежской области)**» с целью изучения диалектных особенностей воронежских антропонимов в контексте русско-украинских межъязыковых контактов рассмотрены возможности использования архивных источников и исторических документов в описании лингвистического материала.

Были установлены два основных блока информации, извлекаемой из языковых единиц: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации. Лингвистическую информацию, имеющую региональную специфику, содержат как официальные фамилии, так и микропонимы.

Установлено, что воронежская антропонимия включает значительное число онимов, имеющих украинский генезис, что связано в первую очередь с заселением украинцами (малороссиянами) земель Воронежского края. Вся восстановленная лингвистическая информация дает представление о специфике региональной картины мира.

Украинские лексемы и известные в воронежских говорах диалектные слова не только дают представление о типах лексических единиц, их значении и особенностях употребления, но и отражают этническую специфику изучаемого микроареала (село Красное Новохоперского района Воронежской области) и косвенно характеризуют миграционные потоки. Данные антропонимии подтверждаются историческими сведениями.

Интересно, что количество украинцев – малороссиян – в XIX веке составляло почти пятьдесят процентов от общего числа жителей Воронеж-

ского края: «В XIX веке все народонаселение Воронежской губернии почти исключительно принадлежит к славянскому племени, состоя поровну из великороссиян и малороссиян; остальную, самую незначительную часть населения составляют немцы-колонисты и цыгане. Великороссияне населяют северную часть губернии: Воронежский, Задонский, Землянский, Нижнедевицкий и Коротоякский уезды и бóльшую часть Бобровского и Новохоперского уездов; малороссияне занимают преимущественно южную часть – уезды: Богучарский, Павловский, Острогожский, Бирюченский, Валуйский и часть Бобровского и Новохоперского уездов» [Материалы для географии и статистики России... 1862, с. 101].

Анализ антропонимов позволил выявить следующие украинизмы, функционировавшие в Воронежском Прихоперье: *плющати* / *плющити*; *паламар* – «церк. пономарь, псаломщик, причетник, дьячок»; *письменный* «грамотный»; *щербетати* – «щелкать, щекотать»; *великодний* – «пасхальный»; *радий* – «рад, доволен»; *жуковий* – «очень черный»; *осмолювати* – «осмаливаться, осмолиться»; *жовтяк* – «разг. желтяк»; *грабар* «землекоп», либо *грабки* «грабки, крюк», *коверзувати* – «привередничать», лаяти – «бранить, ругать», *цебенити* «(сильно) течь, хлестать; лить (о дожде)»; *зозуля* – «кукушка», *лисиченя* – «лисенок»; *пи(ь)вень* < «нврс. млрс. петух, петель, кочет, кур», *шпак* – «скворец»; *лин* – «линь»; *цвиркун* – «сверчок»; *коваль* – устаревшее «кузнец»; *чередник* – «пастух»; *шевчук* – «сапожный подмастерье, сапожный ученик» и др.

Были восстановлены следующие диалектные лексемы, известные воронежским говорам (к таким единицам относим лексемы, зафиксированные в «Словаре воронежских говоров» и имеющие пометы «тамбовское», «южное», «донское», «южное, западное», «рязанское»): *шабала* – «ряз. тамб. лохмоть, мохор»; *солодкий* «юж. зап. сладкий»; *кобза* – юж. род бандуры; *бабак* – крупный степной грызун из рода сурков.; *балабан* – «коршун»; *бирюк* – волк; *перен.* нелюдимый, угрюмый, одинокий человек; *юж. журба* – «печаль, горе, кручина»; *рудой* – юж. зап. рыжий и рыжебурый; *пивинь* – ряз. птица чибис, пигалица; *ряска* – юж. зап. пск. прм. ряд, низка, подниз; *нитка ожерелья, бус, пронизей; снизка, низанка; бóндарь юж. запд. твр. тмб.* – бочар; *кроить, краять запад.* – выкраивать, изрезывать, резать в меру; *южн. и западн. скляр, шкляр* – стеклодуд; *чередник* – юж. нврс. пастух при череде, при крупном скоте; *швец* – влд. тмб. ярс. вят. прм. нвг. ол. портной; *чумак* – юж. нврс. сар. млрс. протяжной извозчик на волах и др.

В параграфе «**Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии**» анализируется микротопонимия группы сел (рассматриваются пространство и время в региональной языковой картине мира) и выполняется лексикографическое описание микротопонимии села Абрамовка Таловского района Воронежской области

(временные границы существования рассмотренного микропонимия ко-на села – период с конца 1930-х гг. по настоящее время (более 80 лет)).

В ходе изучения микропонимия Воронежской области в контексте региональной языковой картины мира (изучались представления человека о пространстве и времени) было выделено несколько групп микропонимов, отражающих представление человека о пространстве и времени: 1) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяженность; 2) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяженность; 3) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, отражающем радиальные связи объектов.

Микропонимы включают следующие семы 'север'/'юг'/'восток'/'запад'; 'передний'/'задний', 'верх', 'высокий', 'возвышенность', 'близкий'; 'далекий', 'в углу', 'центр' / 'центральный'; 'край'/'окраина', 'середина' в значении 'центр', 'за чем-либо'; 'близ чего-либо', 'неподалеку от чего-либо', 'на чем-либо', 'под чем-либо'.

Представления человека о пространстве в соответствии с признаками 'размер', 'протяженность', 'форма' отражены в следующих лексемах, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микропонимов: *большак, большой, великий, маленький; горбатый, кольцо, косой, кривой, круглый, мотня, плоский, трафарет, узенький.*

Среди микропонимов, отражающих представление человека о времени, выделим следующие группы: 1) микропонимы, включающие в свой состав порядковые числительные; 2) микропонимы, включающие номинации с семами 'старый', 'новый'. Понятие о времени в микропонимых первой группы представлено порядком исчисления объектов: номинация первого, как правило, осуществляется раньше второго и т.д., а микропонимы с компонентами «старый», «новый» эксплицитно характеризуют название как существовавшее прежде или возникшее недавно.

Воронежская микропонимия включает языковые единицы, имеющие украинский генезис (Вёрхня ул, За Холóднэ, Большé Мóкрэ, Вэ́лыка, Малé Мóкрэ), что связано с особенностями заселения края.

Проведенное лексикографическое описание микропонимия села Абрамовка Таловского района с использованием краеведческих сведений о Воронежском крае позволило определить лингвистическую специфику микропонимической системы, проявившуюся в характеристике структурных типов микропонимов (однокомпонентные микропонимы составляют 42,1 % от общего числа микропонимов, преобладает модель «прилагательное (притяжательное / качественное / относительное) + существительное», 94%), в составе микропонимов по характеру производящей основы и с учетом лексико-семантических особенностей.

Особенностью микротопонимической номинации является и то, что изученная микротопонимия отражает диалектную лексику преимущественно воронежской локализации: *Бирючий*, *Бирючий кург а́н* (ворон. *бирючий* ‘волчий; перен. глухой, страшный’); *Мозга́ль* (ворон. *мозга́ль* ‘хитрый человек маленького роста’), *Обры́в* (ворон. *обры́в* ‘глубокая яма в реке’); *Ты́рло* (*ты́рло* ‘место у реки для водопоя, доения и обеденной стоянки коров’, в [СРНГ-45] первое значение лексемы *тырло* дано с воронежской локализацией – ‘огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.’).

Отдельные микротопонимы, происходящие от общерусских слов, заимствованных из тюркских языков, отражают русско-тюркские контакты в микротопонимии Воронежского края: *Бруно́к* < *бурун* ‘нос’, ‘песчаная местность’ < тюрк.; *Яру́жка* < *яруга* ‘овраг’ < тюрк.; ср. тур., тат. *jaruk* ‘щель’ [см. Болховитинов 1800, с.9; Дубасов 1883, с. 47].

Также важной особенностью микротопонимической номинации является соотношение мотивов номинации отантропонимных микротопонимов: микротопонимы в 2,1 раза чаще мотивированы прозвищем либо уличной фамилией человека (68 % отантропонимных микротопонимов), нежели именами, отчествами, официальными фамилиями (32 % названий).

В параграфе «**Вопросник по сбору регионального лингвистического материала в рамках лингвокраеведческих исследований (воронежский ономастикон)**» предложен вопросник для сбора воронежской ононимии – разделы: микротопонимия, гидронимия, агроонимия, дримонимия, дромонимия и оронимия, антропонимия, астрономия, зоонимия, хрононимия. В качестве примера приведем фрагмент вопросника из раздела «Микротопонимия».

Вопросы для беседы по теме

Расскажите о своем населенном пункте. Какой он? Чем знаменит? Что помните из рассказов бабушек и дедушек? Чем отличается от других населенных пунктов?

Что помните об истории нас. пункта? Как возник? Почему так называется? Кем и когда основан? Помещичьими или государственными были крестьяне села до революции? Какому помещику принадлежало село? (официальную информацию о происхождении нас. пункта необходимо выписать из документальных источников, хранящихся в библиотеке, краеведческих кабинетах в школе, музеях и т.д.). Как изменился национальный состав жителей села: люди каких национальностей жили в нас. пункте до 1917 г., в середине прошлого века, а какие – сейчас?

Как называются части села? части улицы? Что в населенном пункте обозначают слова *улица*? *переулок*? *плант*? *буерак*? *волок*? *гать* (*гатка*, *гатина*)? *каменка*? *насыпь*? Как называется поворот улицы? дороги? Как называется неровная дорога? ровная дорога? узкая? широкая? каменная?

асфальтированная? грунтовая? Как называется часть дороги? Какие виды почв преобладают в данном населенном пункте? Где именно встречается определенный вид почвы (чернозем, глина, песок, солончак и др.)? Какие легенды, былички, предания, песни, частушки, прибаутки, загадки о насел. пункте и жителях вы помните / знаете?

Л 1. Как называются жители села (мужчины, женщины)?

Л 2. Бытуют ли в населенном пункте названия жителей в зависимости от возраста? Какие?

Л 3. Как вы называете жителей соседнего села, сел? Почему?

Л 4. Как называются улицы в настоящее время и ранее (нужно записать названия и объяснение информанта о причинах их возникновения: мотив и время возникновения названия (если помнят), особенности употребления, нужно обязательно поставить ударение и отметить форму родительного падежа в ед. ч. и форму им. п. во мн. ч. Весь материал записывается на диктофон, а затем засшифровывается – работа ведется в соответствии с полевым методом сбора региональных языковых единиц):

1) официальное название улицы в настоящее время;

2) народное название улицы;

3) прежнее название улицы (если известно) и время переименования;

4) названия частей улицы.

Л 5. Какие названия имеют дороги села, тропинки? Куда ведут дороги в насел. пункте?

Л 6. Какие названия имеют перекрестки, переулки?

Л 7. Имеют ли отдельные названия шоссе/шосейные дороги?

Л 8. Как называется железная дорога, если расположена поблизости?

Л 9. Как называются дороги в лесу? Почему?

Л 10. Как называется мост (мосты), переправы через реку?

Л 11. Как называются в насел. пункте отдельно стоящие дома, строения?

Л 12. Как называются в насел. пункте отдельно растущие деревья?

Разработанный вопросник может быть востребован в научной сфере для сбора и последующей интерпретации региональной ономастической лексики, а также может быть использован студентами для выполнения заданий научно-исследовательской практики; отдельные фрагменты вопросника могут использоваться и школьниками для выполнения проектной исследовательской работы.

В **«Заключении»** подведены итоги научного исследования, сделаны выводы о том, что лингвокраеведческая субпарадигма является интегративной моделью исследования системы русского языка, основанной на привлечении исторических, историко-культурных, географических и иных данных для анализа языковых единиц. Формирование лингвокраеведческой субпарадигмы обусловлено историко-лингвистическими процессами,

развитием сравнительно-исторического, антропоцентрического и системно-структурного подходов к изучению языка.

Изучение регионального ономастикона – воронежской антропонимии и микротопонимии – основывается на изучении как лингвистических фактов, так и историко-культурных и иных данных о Воронежском крае.

Разработанная методика лингвокраеведческого анализа на основе привлечения краеведческих данных позволила установить два блока информации, извлекаемой из региональных ономастических единиц: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации.

Блок лингвистической информации, извлеченной из воронежского ономастикона, содержит сведения о диалектной специфике языковых единиц, об особенностях регионального ономастикона, отразившего межъязыковые контакты в Воронежском крае, о становлении воронежской ономастической системы, о моделях именованности человека в XIX веке (прежде всего крестьянина), об особенностях региональной языковой картины мира.

Установлено, что воронежский антропонимикон содержит информацию о диалектных особенностях говора (прежде всего лексических), например, Алейников < Алейник < олейник – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк» [Даль-2, с.670]; Бабак < Бабак / Байбак < воронеж. бабáк – «степной сурок» [СВГ-1, с.47]; Балабанов < Балабан < воронеж. балабáн – «коршун» [СВГ-1, с. 60]; Бондарев < Бондарь < бóндарь – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с. 114]; Ковалев, Коваленко < Коваль < южн. коваль – «кузнец» [Даль-2, с.129]; Кровец / крáвец – «юж., зап. портной» [Даль-2, с.200]; Солодков < Солодко / Солодок < солодкий – «юж. зап. сладкий; смл. пск. вор. смачный, вкусный, сладимый» [Даль-4, с. 266–267]. В ходе исследования выявлены диалектные лексемы, известные воронежским говорам: *бабак, балабан, бирюк, бондарь, журба, краять, кобза, кроить, скляр, солодкий, рудой, ряска, чередник, чумак, шкляр, шабала, швец* и др.

Воронежский ономастикон включает значительное число онимов, имеющих украинский генезис, что обусловлено историческими процессами, переселением украинцев (малороссиян) в Воронежский край. Русско-украинское взаимодействие в воронежской антропонимии и микротопонимии достаточно четко представлено на словообразовательном и лексическом уровнях, отдельные онимы отражают процесс взаимодействия на фонетическом уровне (ср.: *Абраменко, Агафоненко, Аксененко, Васильченко, Власенко, Гавриленко, Гриненко, Давыденко, Денисенко, Дмитренко, Евтушенко, Игнатенко, Кузьменко, Кириченко, Клименченко, Костенко, Левченко, Луценко, Мартыненко, Максимчук, Мартынюк, Михайли-*

ченко, Науменко, Нестеренко, Остапенко, Павленко, Полунченко, Романенко, Тимченко, Сидоренко, Симоненко и др.; Банько, Великодний, Грабовенко, Жученков, Зозулин, Лаенко, Осмоленко, Осмоловский, Пивень, Радчук, Руденко, Ряснянский, Цебенко, Цвиркун, Шпаковский и др.; Вэлы́ка, *Большэ Мокрэ*, *Малэ Мокрэ* и др.).

В ходе исследования были восстановлены украинизмы, функционировавшие в Воронежском крае, например: *великодний*, *грабар*, *грабки*, *жуковий*, *жовтяк*, *зозуля*, *коверзувать*, *лаяти*, *лин*, *лисиченя*, *осмолювати*, *паламар*, *пи(ь)вень*, *письменный*, *плющать / плющити*, *радий*, *цебенити*, *цвиркун*, *шпак*, *щебетати*, *шевчук* и др.

Воронежский антропонимикон отражает информацию о развитии региональной ономастической системы: в процессе исследования установлено, что в XIX веке еще не закончился процесс формирования воронежской фамильной системы, поскольку ревизские сказки 1816 г. по селу Красному Новохопёрского уезда (включающие преимущественно именованья крестьян) содержат записи, свидетельствующие о неустойчивости фамилии как категории, о незакрепленности фамилии за определенным родом.

Лингвокраеведческий анализ воронежских микропонимов и антропонимов позволяет изучить особенности региональной языковой картины мира.

Сравнительно-сопоставительный, компонентный, лингвокраеведческий анализ лексем позволил установить способность микропонимов отражать представления человека о пространстве и времени, что связано с наличием сем 'запад'; 'передний' / 'задний', 'верх', 'высокий', 'возвышенность', 'низкий' / 'низменность' / 'глубокий' / 'впадина', 'близкий'; 'далекий', 'в углу', 'центр' / 'центральный'; 'край' / 'окраина', 'середина', 'за чем-либо'; 'близ чего-либо', 'неподалеку от чего-либо', 'на чем-либо', 'под чем-либо', 'поздний', 'старый', 'новый'. Также в репрезентации участвуют географические конкретизаторы и другие лексемы, характеризующие тип географического объекта: *бугор*, *бурун*, *гора*, *горка*, *курган*, *вершина*, *пруд*, *балка*, *колодец*, *лог*, *лощина*, *обрыв*, *овраг*, *ров*, *яма*, *яр* и производные от него, *середка* (в значении «середина»), *углянка* (в значении «угол»), *угол*, *куток* (в значении «уголок»), *центр*, *переулок*, *сотня*, *бригада*, *отделение*, *поле*, *посёлок*, *сад*, *отряд*, а также лексемы, указывающие на пространственную близость или отдаленность объекта: *ближний*, *дальний*.

Характеристика пространства в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микропонимии) достаточно четко отражает географические признаки, связанные со спецификой ландшафта Воронежской области, характерную особенность которой составляет наличие значительного числа возвышенностей и оврагов.

Антропонимы транслируют следующие представления о человеке: физиологические особенности, обусловленные визуальным восприятием; физиологические особенности, обусловленные аудиовосприятием, особенности поведения человека; особенности характера человека; умственные способности человека; особенности речи человека; сведения об этнической принадлежности человека; особенности представления о семье человека и родственных отношениях; информацию о ремеслах, видах деятельности, широко распространенных в XIX веке (перекупщик, изготовитель приспособлений для ткацких станов; человек, изготавливающий деревянную посуду, бочки; пчеловод; человек, работающий на речных судах; мастер, изготавливающий глиняную посуду; церковные служители; человек, который печет калачи; кузнец; военный человек (воин (с луком); воин, имеющий определенное звание, должность); человек, который варит пиво, мелет муку, рубит и продает мясо, возделывает овчины, пашет, продает рыбу, торгует скотом, сбивает масло, мелет зерно в муку, шьет одежду, обувь, красит ткани, ткет, пасет скот, является извозчиком, валяет шапки, шьет одежду) и др.

Воронежский антропонимический материал показывает, что наиболее важными в региональной языковой картине мира в области представлений о человеке являются характеристики человека по физиологическим особенностям, особенностям поведения и виду деятельности.

В процессе изучения воронежского ономастикона были применены приемы лингвокраеведческого анализа и показана возможность извлечения разноплановой информации (в том числе и данных о региональной специфике языковой картины мира на основе анализа диалектных основ воронежских онимов) из языкового материала, что дает основу в дальнейшем для целостного изучения региональной языковой картины мира XIX – XXI вв.

Восстановленные лексемы не только дают представление об особенностях семантики и употребления языковых единиц, но и отражают особенности менталитета человека, связанные с общественно-историческими процессами и явлениями, природно-климатическими условиями проживания, дают понимание об этнической специфике изучаемых микроареалов и возможных миграционных потоках (наличие тюркских лексем, диалектных лексем других регионов, значительное число онимов с украинской основой).

Представленная в работе методика анализа региональной ономастической лексики и фрагментов региональной языковой картины мира по данным региональной онимии на основе привлечения краеведческих данных может быть полезна в дальнейшем при характеристике особенностей языковых картин мира различных территорий. Научные исследования, выполненные в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы, внесут су-

ственный вклад в изучение регионального ономастикона, фрагментов региональной языковой картины мира, национального языка и культуры.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации

1. Верховых, Л.Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте / Л.Н. Верховых // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2007. – Вып. 1 (8). – С.87–95.

2. Верховых, Л.Н. Из истории русских фамилий / Л.Н. Верховых // Русская речь. – 2008. – №3. – С. 113–116.

3. Верховых, Л.Н. Ономастическое лингвокраеведение в процессе реализации ФГОС / Л.Н. Верховых // Русский язык в школе. – 2016. – №4. – С.10–12.

4. Верховых, Л.Н. Микротопонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области / Л.Н. Верховых // Вопросы ономастики. – 2018. – Т.15. – №3. – С.223–241.

5. Верховых, Л.Н. Топонимические реликты в воронежских фамилиях / Л.Н. Верховых // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – №4. – С. 96–100.

6. Верховых, Л.Н. Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка / Л.Н. Верховых // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – №28. – С. 618–625.

7. Верховых, Л.Н. К изучению этапов развития отечественного лингвокраеведения / Л.Н. Верховых // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – №4 (43). – С. 102–113.

8. Верховых, Л.Н. Лингвокраеведческая работа на уроках русского языка и русского родного языка как способ активизации познавательной деятельности обучающихся / Л.Н. Верховых // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82. – №4. – С. 21–30.

9. Верховых, Л.Н. Ревизские сказки как источник изучения диалектных фонетико-орфографических особенностей воронежских антропонимов XIX века / Л.Н. Верховых // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика – 2022. – №1. – С. 25–28.

10. Верховых, Л.Н. Воронежское лингвокраеведение в XXI веке: направления исследований, перспективы развития / Л.Н. Верховых // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – №1. – С. 89–94.

11. Верховых, Л.Н. К вопросу о значении термина *лингвокраеведение* / Л.Н. Верховых // Неофилология. – 2022. – Т.8, №1. – С.61–72.

12. Верховых, Л.Н. Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века / Л.Н. Верховых // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – Т.41, №1. – С.104–113.

13. Верховых, Л.Н. Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой картины мира / Л.Н. Верховых // *Philologos*. – 2022. – №1 (52). – С.26–34

14. Верховых, Л.Н. К изучению истоков отечественного лингвокраеведения и региональной ономастики / Л.Н. Верховых // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26, №1. – С.81–93.

15. Верховых, Л.Н. Отечественное лингвокраеведение и проблемы сохранения национальной идентичности / Л.Н. Верховых // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2022. – №1 (294). – С.185–189.

16. Верховых, Л.Н. Основные проблемы лингвокраеведческого анализа регионального ономастического материала / Л.Н. Верховых // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – №2. – С. 106–113.

17. Верховых, Л.Н. Представления о ремеслах в региональной языковой картине мира (по данным борисоглебских фамилий) / Л.Н. Верховых // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2022. – №2 (295).

18. Верховых, Л.Н. Пространство и время в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) / Л.Н. Верховых // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – №3.

Публикации в других научных изданиях

1. Верховых, Л.Н. Лингвокраеведение в школе: учебное пособие / Л.Н. Верховых. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – 255 с.

2. Верховых, Л.Н. Воронежские фамилии с диалектной основой / Л.Н. Верховых // Диалектная лексика – 2009 / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 2009. – С.170–178.

3. Верховых, Л.Н. Гидронимы села Пески Поворинского района Воронежской области / Л.Н. Верховых // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С.209–213.

4. Верховых, Л.Н. Ономастическое лингвокраеведение как важная составляющая филологического образования / Л.Н. Верховых // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С.497–501.

5. Верховых, Л.Н. Антропонимикон ревизских сказок как источник изучения особенностей развития русской фамильной системы / Л.Н. Верховых // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С.128–132.

6. Верховых, Л.Н. Фамилии Воронежского края начала XIX века в аспекте русско-украинского взаимодействия / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 4. Региональный сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 77–88.

7. Верховых, Л.Н. Лингвокраеведение как научное направление (к вопросу о соотношении терминов *лингвокраеведение* – *лингвострановедение* – *лингворегионоведение*) / Л.Н. Верховых // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С.12–18.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Печ.л. 2,3 Уч.-изд.л. 2,0
Тираж 100 экз. Заказ 25

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1